

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ¹

АНТОНИНА ПЕТРОВНА ЛИПАТОВА

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова:
432071, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5)

***Аннотация.** В статье рассматривается зависимость характеристик устного фольклорного текста (тип вариативности, особенности текстообразования) от статуса объекта, о котором рассказывается. Статус объекта — характеристика подвижная. При анализе необходимо учитывать две тенденции: синхроническую (место бытования текста: в непосредственной близости к сакральному месту или в удалении от него) и диахроническую. При официальном признании локуса вариативность при передаче рассказов о нём снижается. При ретрансляции осуществляется пересказ всем известного сюжета. Для информационного фонда локальных сакральных локусов, не имеющих официального признания, характерен не пересказ, а рассказ, подчинённый законам фольклорного текстообразования. Единичные записи легенд, объясняющих сакрализацию родника, практически ничего не дают исследователю. Так же как и малоинформативными оказываются и многие сборники фольклорных легенд, построенные по тематическому признаку. Исследование информационного фонда сакральных локусов — трудоёмкий процесс, требующий пристального внимания исследователей.*

***Ключевые слова:** сакральная география, вариативность текста, статус локуса, текст, текстообразование.*

Ульяновское Присурье отличается богатым религиозным фондом: на его территории расположено большое количество почитаемых святых источников, народная память хранит рассказы о множестве местночтимых святых и болящих.

Анализ нарративов, объясняющих сакральную природу природных локусов, показал, что многие особенности текста

(характер текстообразования, тип вариативности) зависят от статуса объекта, о котором рассказывается [см., например: Липатова 2012а, 75–84; Липатова 2013, 3–27]. Понятие «статуса» места часто используется в работах по изучению культурного ландшафта, интерес к которому активизировался в последние десятилетия². Этнографы, географы, фольклористы пишут

¹ Работа проведена в рамках выполнения Государственного задания Министерства образования и науки РФ № 34.6993.2017/БЧ «Специфика функционирования традиционной культуры и фольклора в процессе освоения русскими флористико-географических районов Ульяновского (Симбирского) Поволжья XVIII–XX вв.».

² Термин «культурный ландшафт», введённый в научный оборот в начале XX века, обрёл необычайную популярность на рубеже второго и третьего тысячелетий [Исаченко 2006]. Это понятие привлекло к себе и «естественников», и «гуманитариев». См., например: [Культурный ландшафт 1998]. Среди авторов сборника есть и географы (В. Н. Калущков), и этнографы (Е. А. Родионов),

о необходимости исследовать сакральные объекты комплексно [Атаман 2015, 110], с учётом сложных иерархических отношений³. Учёные предлагают разные модели иерархии «сакральной организации деревенской округи» (Е. В. Платонов) [см., например: Щепанская 1995, 112; Фадеева 1998, 103; Виноградов 2004, 234; Платонов 2005, 15–18].

Мы предлагаем различать:

- 1) официально признанный сакральный центр, организующий и центрирующий всю систему сакральных локусов. Почитание таких объектов, как правило, поддерживается церковью; информация о сакральном центре выходит далеко за пределы той области, в которой они расположены;
- 2) локальные сакральные центры, популярны среди жителей одного-двух районов;
- 3) сакральная периферия: святые родники, информация о которых не выходит за пределы одного села [подробнее см.: Липатова 2012б, 97–116].

На исследуемой территории своеобразным «уникумом» системы является Никольская гора в пос. Сурском (ранее — Промзино).

Никольская гора известна далеко за пределами Сурского района. Рассказы о ней записывались не только в прилегающих к ней районах (Сурском, Инзенском, Карсунском), но и в районах, удалённых от неё (Барышском, Майнском, Сенгилеевском, Вешкаймском и др.).

Сюда за исцелением едут из Ульяновской, Самарской, Пензенской, Нижегородской и других областей, из республик Мордовии, Чувашии, из Украины: «Здесь раньше вот на Миколе, к Миколе за неделю, большие шли: с Украины. Откуда только не шли. Вот Промзино. Вот разговорились вот в армии: Вот где-то у вас вот Промзино. Да, я говорю, да я около него был, да на этой на горе был. Эх! а наши ходили туда. Целый месяц шли. Пешком. Обет дают, как говорится, и вот пешком. <Соб.: а вы служили на Украине?> я служил не на Украине — сначала в Польше. А разговор был в Белоруссии, и украински были, москвичи были» (Киреев Анатолий Петрович, прожив. в с. Сара (Сурск., У.), 1931 г. р. Зап. А. П. Липатовой 04.08.2006 [ЛАА]). В брошюре А. Белова «Правда о “святых местах”», выпущенной в 1964 году, легенда о явлении святого Николая на горе, избавившего Присурье от татар, приводится (и «разоблачается») наравне с общерусскими легендами о Ксении Блаженной, о Граде Китеже и т. п. [Белов 1964, 32–33]. Краеведы XIX века отмечают, что лик Николая Чудотворца, явившийся на горе, «есть едва ли не самая древняя икона в Симбирской губернии, местнотимая всеми, даже раскольниками и чувашами⁴» [Токмаков 1895, 7]. Время явления иконы относят к XVI-XVII веку: «Промзино-Городище основано было в царствование Ивана IV Грозного и в первоначальном своём виде представляло один из сторожевых

и фольклористы (А. А. Иванова, Л. В. Фадеева). Г. А. Исаченко отмечает, что современное понятие «культурный ландшафт» развивается в двух основных направлениях: одно из них находится в русле классического ландшафтоведения (акцент делается на термине «ландшафт»), второе же направление исследователь обозначает как междисциплинарное — здесь культурный ландшафт исследуется с участием представителей гуманитарных дисциплин (а нередко и только гуманитариями). Предмет настоящего анализа — рассказы о святых местах, поэтому в сферу наших интересов попадает одна из составляющих культурного ландшафта — «сакральная география», которую нужно отличать от «фольклорной топографии» в целом, стремящейся «описать всю совокупность церковных и традиционных инфраструктур географического пространства деревни. Сюда входят как церкви, места, отмеченные часовнями, каменные кресты, так и места, к которым привязаны былички, рассказы о всевозможной нечисти, местные топонимы и пр.» [Платонов 2005].

³ Несмотря на то, что «невозможно отрицать, что культурные ландшафты разноуровненны (разномасштабны), а многие из них, по сути дела, “вложены” друг в друга» [Исаченко 2006], к сожалению, «среди большого потока текстов о культурных ландшафтах очень мало работ, где рассматривались бы культурные ландшафты конкретной территории в их пространственной иерархии» [Исаченко 2006].

⁴ «Из христианских святых чуваша, как известно, более всего уважают Николая Чудотворца и Василия Великого, оттого очень многие из них ходят молиться в село Промзино, где есть чудотворная икона Николая Угодника» [Из путевых заметок 1866, 36].

укреплённых пунктов на пограничной линии Московского государства, простиравшегося от Алатыря до Темниково. <...> Лет через пятьдесят⁵ после того на самой горе явилась чудотворная икона Святителя Николая» [Соловьёв 1910, 45]. А. Яхонтов предполагает, что «раскольники оказывают особое уважение к этому образу, что не указывает ли на существование его во время патриарха Никона» [Яхонтов 1903, 390-391].

Уже в XIX веке Никольская гора была важным паломническим центром. На вопрос «нет ли в данной местности святынь, привлекающих богомольцев, и если есть, то сколько, приблизительно, ежегодно туда стекаются» в архивном документе 1811 года содержится следующий ответ: в Алатырском уезде святыня «есть — в селе Промзине Чудотворная икона Святителя Николая Чудотворца, куда ежегодно, к вешней Николе стекаются богомольцев от 35 до 40 000 человек. И, кроме того, в течение года прибывает до 15 000 человек» [Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 921. Л. 55]. Для сравнения, в Жадовку (Карсунский уезд Симбирской губернии, сейчас — Барышский район Ульяновской области), являвшуюся уже

в XIX веке священным объектом с высоким сакральным статусом, «начиная с мая месяца, стекаются до 15 000 богомольцев, в особенности большое скопление их бывает при ежегодном изнесении иконы из пустыни чрез город Карсун в город Симбирск в первое воскресенье после 9 мая» [ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 921. Л. 74].

Особое положение с. Промзино краеведы связывают со следующими фактами: «Через селение проходят почтовые и коммерческие тракты из Симбирска и Уральска в Москву и из Симбирска в Саранск. <...> Через Промзино идут скотопрогонные дороги из-за Волги. <...> в Промзине первая в губернии хлебная пристань и центр хлебных закупей для отправки как с промзинской, так и с других верхних Сурских пристаней; кроме того, здесь богатый базар» [Карамзин 1893, 44; Ауновский 1870, 33-40].

О посещении Никольской горы упоминается во многих «губернаторских путевых заметках» [Заметки Симбирского губернатора 1893, 68]. Уже в конце XIX века выходят брошюры, посвящённые Промзину (и непосредственно Никольской горе) [Карамзин 1893; Токмаков 1895; ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 441].

Во многих изданиях XIX века приводится развёрнутое повествование о чудесном

⁵ «Что касается дальнейшей судьбы этой меловой горы, с давних пор известной под названием “Белой горы”, то спустя приблизительно лет 50 после того, как она приютила у своего подножия сторожевых людей пограничной линии, гора эта приобрела громадное историческое значение не только для самого городища Промзина и его окрестностей, но даже для жителей всего Сурского края» [Токмаков 1895, 5].

⁶ До 40-х гг. XIX века явленная икона Николая Промзинского хранилась в промзинской церкви: «Икона святого Николая, в Промзине, высечена на камне (барельефом). Фигура святителя выпуклая, поэтому образ должно было вынести из церкви (на основании бывшем в сороковых годах распоряжении)» [Яхонтов 1903, 390]. Икона была «изнесена» из церкви, в знак особого уважения к иконе было решено «устроить особенную часовню на высокой горе, где некогда явилась икона». Два раза пытались перенести образ в эту часовню, «но он на другой же день опять являлся в церкви с. Промзина; когда же в третий раз хотели вынести образ, по особенному уже распоряжению епархиального начальства, то, по народному преданию, “образ не могли поднять”. Другие рассказывают, что народ не пустил из церкви процессию». После того, как о случившемся узнал государь, он разрешил оставить каменную икону в церкви [Яхонтов 1903, 390-391]. В 30-е гг. XX в. икона была утеряна. До сих пор существует множество слухов о местонахождении Николы Промзинского. Во многих домах Ульяновского Присурья хранятся копии с Николая Промзинского.

Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. советские власти «разорили это всё». Явление иконы Николая Чудотворца было признано выдумкой. «Чудеса, вроде явления этого Николы на Никольской горе, не что иное как сказка, с помощью которой, как правило, разные шарлатаны и кликуши одурманивали простой народ и наживались на его принижениях», писал некто Н. Яшников в заметке «Как я перестал верить в бога», размещённой в Ульяновской правде 13 мая 1960 г. «На так называемых «святых» колодцах» построен «по инициативе общественности» «межколхозный пионерский лагерь». «Дорога к горе и к пионерскому лагерю закрыта» [Конец «святых» колодцев 1960, 4]. В это же время Никольскую гору пытались срыть. Но святой Николай чудесным образом помешал это сделать.

явлении святого Николая (иконы⁶), отогнавшего татар, угрожавших Промзину. Священник П. Карамзин приводит следующий стихотворный текст явления чудотворной иконы св. Николая в городище Промзине Симбирской губернии⁷:

*Много лет тому назад,
Где красуется теперь
Промзино, как славный град,
Рыскал только хищный зверь,*

*Да вблизи Суры реки
Лишь в десятке бедных хат
Приютились рыбаки
И линейных горсть солдат.*

*Но угодно было Богу
Это место освятить
И обильною и многу
Благодать свою явить.*

*Время злая тогда было:
Царство наше там и сям,
Разоряемое, ныло
От безбожных агарян.*

*Адской яростью полны
Превеликою толпой
Раз явились они
На берегу Суры святой.*

*Видя грозну эту рать,
Край Засурский был в смятении:
Кто б мог помощь ему дать?
Кто б явился на спасенье?*

*Но, о чудо, враги стали.
Ни вперед, ни назад не идут,
Будто делать что, не знали,
И Аллаха всё зовут.*

*Так прошло немало дней
К удивленью христиан,
И лишь слышался сильней
Вопль безбожных агарян.*

*Но вот воин наш решился,
Что такое там, узнать;
Он святым всем поклонился
И собрался в вражью рать;*

*Бросил бедну конуру,
Сел на храброго коня,
Переплыл реку Суру,
Вплавь его перегоня.*

*Вмиг явился наш герой
В чужом стане за Сурой
И держал такое слово
Ко врагам креста Христова:*

*«Что стоите вы, друзья,
И что нужно вам от нас?
Вы скажите, это я
Передал бы всё от вас.*

*Выкуп ли какой вам нужен,
Или кровь хотите лить?
Здесьний край пройти оружием
И огнем всё истребить?»*

*И сказали агаряне
Тогда воину в ответ:
«Православны христиане!
Видно, счастья здесь нам нет,*

*Коль не можем мы никак
Отсель выйти никуда:
Впереди нас тьма и мрак,
Сзади лес, кругом вода.*

*На горе вон там крутой
Старца видим мы во свете.
Верно, бог ваш иль святой;
Он грозит предать нас смерти.*

*В руке правой его меч,
А в другой ваш русский храм,
О, костями здесь верно лечь
Придется теперь нам!*

*И у всех у нас в глазах
Страх и смерть, спасенья нет,
Знать, прогневался Аллах
И пророк наш Магомет!*

*И на той же всё горе
С смертоносным копием
Юный рыцарь на коне
Нас грозит сразить во тьме».*

*Агаряне трепетали,
На чужих стоя берегах:*

⁷ П. Карамзин снабдил текст следующим комментарием: «Предлагаемое стихотворение о явлении чудотворной иконы Святого Николая в городе Промзине Симбирской губернии приписывается священнику села Чеботаевки Утехину. В своём первоначальном виде, или по крайней мере в том виде, как оно дошло до меня, стихотворение это представляло во многих местах погрешности относительно правил стихосложения и некоторую неполноту и неточности относительно самого предания, рассказывающего об этом событии. Всё это по мере сил мною исправлено и дополнено, так что из всех 140 стихов 31 составлено вновь, а 19 исправлено» [Карамзин 1893, 4].

*Их молитвам не внимали
Ни пророк их, ни Аллах,*

*Словно агнцы теперь стали
И не думали о крови.*

*А в уме лишь представляли
Смерть, неволю и оковы.*

*«О, прости наш край родной
Жёны, дети и друзья:
Ляжем мы в стране чужой!» -
Воскликали лишь князья.*

*Так кубанцы от виденья,
Умоляя небеса.
Пришли в ужас и смятенье,
Увидавши чудеса.*

*Оглянулся тогда воин,
И сияньем неземным
Лик блеснул пред ним Николин
Со Георгием Святым,*

*Преклонившись не раз
И воззавши хвалу Богу,
Воин с радостью тотчас
Показал врагам дорогу.*

*Знать, судил им Старец дивный
Защититель христиан,
Возвратиться невредимым
Восвояси на Кубань,*

*Чтобы знали агаряне
И потомки их во веке,
Что имеют христиане
Защитителя от бед.*

*Утром солнце воссияло,
Край Засурский увидал,
Как врага уже не стало:
Он стремглав оттоль бежал.*

*Так угодник нам Христов
Спас Засурский край от бед
И уже — сколько вот веков
Никаких врагов там нет.*

*На горе ж на той потом
Чудный образ обретён
С тем же пламенным мечом,
Как врагам был виден он,*

*С умиленной душою,
С благодарными слезами
Пред иконою святою
Преклонились христиане.*

*О явлении святого
С тех пор слава всё растёт
И народу много-много
Каждый год туда идёт,*

*Льются дары исцеленья
Тем, кто с верою живою
Молит Бога с умиленьем
Пред иконою той святою*

*О, святитель Христов,
Бога нашего служитель,
Ты храни нас от врагов
И в бедах будь поправитель.*

*Мы колена пред тобой
Будем вечно преклонять
И с усердною мольбой
Непрестанно прибегать
[Карамзин 1893, 5–11].*

Стихотворное «Повествование о явлении иконы св. Николая Чудотворца в с. Промзино Симбирской губернии в начале 1552 г. в царствование Иоанна Грозного» высечено и на гранитной плите⁸ на вершине горы⁹. В стихотворной форме «наличествует установка на полную закреплённость слов в том речевом пространстве, в котором они стоят, требование их абсолютной воспроизводимости» [Адмони 1994, 98]. Неслучайно многие информанты вместо ответа на вопрос, почему гора святой считается, отсылают собеседника к мемориальной

⁸ Плита установлена 19.09.1998 благословением архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла усердием самарских прихожан.

⁹ Текст, зафиксированный на плите, отличается от текста П. Карамзина. Показательно, что верующие списывают «повествование...». Подобный текст, например, мы обнаружили в тетради Валентины Васильевны Тихоновой, 1926 г. р., уроженки с. Потьма Карсунского района Ульяновской области. О том, что это распространённая традиция, свидетельствует публикация В. Ф. Шевченко, который приводит текст «Повествования о чудесном явлении иконы Божьей Матери, избавительницы от бед, бывшая в 1917 году в воскресенье 8–21 [21 по Новому стилю] октября в селе Ташле Ставропольского района Самарской губернии», зафиксированный в современной рукописной поминальной тетради, принадлежащей жительнице с. Верхняя Маза Радищевского р-на Ульяновской области Елене Романовне Бычковой 1926 г. р. [Шевченко 1999, 94–110].

плите: «А вы навирху были? Вот там плита, вы бы прочитали. <Соб.: Это вот как там написано, так и было?> Да. Да» (Житов Вениамин Алексеевич, род. и прожив. в р. п. Сурское (Сурск., У.) 1925 г. р., 10 кл. Зап. А. П. Липатовой 19.12.2005 [ЛАА]. «<Соб.: а расскажите, как явился Николай. *Вон там на горе есть плита. Там всё это написано. Это всё писано да переписано*» (Симонова Валентина Николаевна, род. и прожив. в с. Большое Шуватово (Инз., У.), 1963 г. р., библиотекарь. Зап. А. П. Липатовой [ФА УлГПУ]). Степень доверия носителей традиционного сознания к письменному слову высока. Поэтому письменные источники¹⁰ начинают выполнять «консервирующую функцию». Они закрепляют «в письменной форме местный инвариант текста», сводя к минимуму «его текстовые трансформации и варианты» [Никитина 1993, 40]. В результате авторитетности письменного слова начинают действовать «стабилизирующие механизмы традиции», которые «во всё возрастающей степени лишают вербальный текст возможности проявить свою пластичность» [Неклюдов 2005]. «Между внешними [письменными — А. Л.] и внутренними [устными — А. Л.] носителями информации» «возникают весьма сложные взаимоотношения», — отмечает Ю. А. Веденин. «При активной популяризации ландшафта, хранящего в себе большой пласт традиционной культуры, возникает опасность её деградации и потери» [Веденин 2003, 11].

«Консервация» (и даже «деградация») устной традиции проявляет себя в следующем: информанты демонстрируют полное отсутствие интереса к вопросу, почему гора считается святой — вариативность сюжета сведена к нулю. Анализ краеведческой литературы конца XIX века о Никольской горе позволяет заключить, что так было не всегда. Существовала как минимум ещё одна зафиксированная версия, объясняющая святость объекта. В ней событие, повлекшее сакрализацию Белой горы, связывается не с чудесной защитой от татар, а с непосредственным пребыванием святого Николая на горе и происходившими

в связи с этим чудесами: «Где ни ступит конь его копытом, там является небольшая горка или холм, а где станет сам старик — на том месте образуются родники». Эту версию приводит в своей брошюре И. Токмаков, ссылаясь на статью профессора Н. Я. Аристова «Предания о местных святых», напечатанную в 6 номере журнала «Древняя и Новая Россия» за 1875 год: «К северу от села Промзина лежит небольшая гора, на которой построена часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая; в настоящее время большая часть этой горы обвалилась по причине громадного стечения народа на поклонение иконе святого угодника, которая считается чудотворной. Предание говорит о её явлении следующее: неизвестный старец, убелённый сединами, долгое время ходил в храм с. Промзино, становился впереди всех и молился усердно, показывая собой пример благочестия народу. Проходя по улицам села и встречая беспорядочного или безнравственного человека, старец строго обличал его, несмотря ни на что, был ли он богатый или бедный. Жители Промзина возненавидели его за это и выгнали вон из села; но и тогда старец не переставал ходить по селу и обличать народ. Ночью он часто стоял на паперти церковной и долго молился на коленях. Раз, в лунную летнюю ночь, одному крестьянину долго не спалось, и он вышел на улицу и сел у своего дома, стоявшего на конце села. Взглянув в сторону горы, крестьянин увидел обличителя-старца на белом коне, и где ни ступит конь его копытом, там является небольшая горка или холм, а где станет сам старик — на том месте образуются родники. В ужасе был зритель и не мог сомкнуть глаз целую ночь; утром рано разбудил соседей и рассказал им о происшествии. Весть быстро разнеслась по всему селу; крестьяне сначала не верили, но когда пошли в лес, то увидели действительно недалеко от горы множество появившихся холмов и родников. Особенно остановили их внимание 7 ключей, которые берут своё начало из одного родника, текут порознь, а потом опять сливаются вместе и впадают в р. Суру. Когда пришли они на гору,

¹⁰ Историю о том, как святой Николай спас Сурский край от татар, часто печатают в местных периодических изданиях (газеты «Сурская правда», «Православный Симбирск» и др.), этот сюжет используют ульяновские писатели и поэты, его изучают на уроках краеведения и т. д.

то нашли в кустарнике икону Святителя и Чудотворца Николая. С той поры седой старик исчез и не появлялся в селе, а икона стала творить чудеса и посылать исцеления людям» [Токмаков 1895, 11–2].

Косвенным доказательством существования этой версии чудесного события являются единичные современные устные рассказы (записанные в Сурском), по версии которых святые родники появились, например, от копыт коня Николая Чудотворца: *«Он явился. Он по всей горе ходил. Там видишь, сколько родников пробито. <...> Он ходил. И его в то время даже кто-то видал»* (Каштанова Валентина Дмитриевна, родилась в пос. Сурское, прожив. в д. Ащерино (Сурск., У.), 1944 г. р., 4 кл. Зап. А. П. Липатовой 04.08.2007 [ЛАА]), *«Я слышала от бабушек — по преданию. Вот якобы Николай Угодник спустился на эту Никольскую гору. А вот эти три колодца святых, где воду берут. В первом источнике была исследована вода, она серебряная, имеет такой привкус серебряная, то есть в этом колодце он якобы на коне подвёхал, и конь у него вытил — напился этой воды из этого колодца. Затем второй колодец, там когда-то даже был пионерский лагерь очень хороший. Во втором колодце сам Николай — вот там купальня щас — Николай Угодник искупался в этой воде — в колодце <...>. В третьем колодце он напился сам. Николай Угодник напился воды»* (Кудрешова Вера Петровна, род. в р. п. Сурское (Сурск., У.), прожив. в г. Ульяновск, 1925 г. р., средне-специальное образование. Зап. А. П. Липатовой 22.05.2007 [ЛАА]). В этих текстах событие, повлекшее сакрализацию горы, связывается не с защитой от татар, а с непосредственным пребыванием святого Николая на горе. Показательно, что эти тексты записаны в непосредственной близости к сакральному центру — в Сурском. Информационный фонд Сурского принципиально отличается от информационного фонда местностей, удалённых от сакрального объекта: в непосредственной близости к Никольской горе рассказывают разные версии чудесного события, в местностях же, удалённых от неё, — только сюжет с избавлением от татар.

Итак, на первый взгляд кажется, что рассказы о сакрализации горы однообразны, поскольку так или иначе реализуют сюжет об избавлении от врагов. Но на

самом деле это не так. Во-первых, можно предположить, что более века назад существовали разные версии события. А, во-вторых, современные тексты тоже неоднородны: рассказы, записанные от жителей Сурского, принципиально отличаются от тех, которые записаны от жителей местностей, удалённых от сакрального центра. За пределами Сурского преобладает сюжет с татарами, вариативность сюжета сведена к нулю. В самом Сурском версия с татарами тоже является ведущей, но она не единственная; зафиксировано множество вариантов и версий чудесного события. Наличие разных версий события свидетельствует об актуальности информации, заключённой в тексте, для рассказчиков — в таком случае осуществляется не пересказ, а рассказ, подчинённый законам фольклорного текстообразования.

Особенность сакрального центра — его «взаимоотношения» с сакральной периферией. Информация о периферийных родниках редко выходит за границы села, в котором они расположены. Да и активность местных жителей при почитании данных объектов невелика. Святость таких родников объясняется прагматикой: к ним совершаются крестные ходы, на них устраиваются молебны (например, при засухе). Примета религиозного фонда Ульяновской области — наличие большого числа святых родничков (разных по статусу), связанных с именем святого Николая. Они встречаются в Большом Станичном, в Малой Кандарати, в Кадышево (Карсунский р-н Ульяновской области). Популярность подобных родников, как правило, несоизмеримо мала в сравнении с популярностью Никольской горы. Но местные жители полагают, что икона Николая Чудотворца, прежде чем явиться в почитаемом всеми сакральном центре, появилась у них — в неизвестном источнике: *«У нас вот тоже есть гора Николай-угодник. Вот он значит. Вот здесь же празднуем. У нас здесь. Вот туды за Заврагом и он появился. Мы ходим туда молиться. Там колодец этакой обделали. <Соб.: а где сначала явился Николай в Сурском или у вас?> Сначала это тута вот у нас — к Малой Кандарати. Вот там, туды в этом колодце и объявился, вот он сперва-наперва тут появился. Патом отсели он туда переселился. Вот Николинска гора»* (Казакова Прасковья Петровна, род. и прожив.

в с. Большая Кандарать (Карс., У.), 1925 г. р. Зап. А. А. Липатовой 04.03.2006 [ЛАА]), «Не помню, в каком году, в нашем роднике [в с. Большое Станичное] появилась икона Николая Угодника. После первого появления у родника поставили часовню — после революции её снесли. А барин наш первый достал икону из родника и за большие деньги продал в Сурское. А после уже икона опять появилась в нашем роднике» (Музырина Анна Федоровна, прожив. в с. Большое Станичное (Карс., У.), 1919 г. р., 2 кл. Зап. Р. В. Сибгатуллиной 10.07.1987 [ФА УлГПУ]). Небольшие колодцы в сознании носителей традиции начинают «состязаться» по значимости с Никольскими источниками в Сурском. Таким образом, история своего села связывается с историей сакрального центра. Статус сакрального центра при этом понижается, а своего родника — повышается: место первого явления истинно, а пребывание иконы в «официальном» сакральном центре «незаконно».

Родники, не признанные официально, но активно почитаемые жителями одного-двух районов, автономны и независимы от официального сакрального центра. Примером такого «неофициального» сакрального центра Ульяновского Присурья является родник Девятая Пятница в с. Коноплянка Инзенского района Ульяновской области. Родничок почитался уже в XIX веке. В летописи Михаило-Архангельской церкви села Коноплянки Карсунского уезда Симбирской губернии есть запись: «... в селе же хранится особенно почитаемая и уважаемая очень древняя икона Великомученицы Параскевы, изображённая на камне». Икона явилась в роднике в «трёх вёрстах от села <...> в лесу». «Икона сея почитается не только местными, но и многими окольными и дальними жителями, приходящими на поклонение ея главным образом на девятой неделе по Пасхе в пятницу; тогда же бывает установленный издавна крестный ход с этой иконою в часовню на родник, находящийся вёрстах трёх от села» [ГАУО. Ф. 134. Оп. 13. Д. 75. Л. 6]. Других упоминаний о роднике найти не удалось.

О чудесном событии, повлекшем сакрализацию родника, рассказывается, как правило, с интересом, тексты сюжетны и полны деталей. Местные жители

осознают, что они являются обладателями эксклюзивной информации: при трансляции осуществляется не пересказ всем известной истории (как в случае с «официальным» центром), а рассказ, подчинённый законам фольклорного текстообразования. Актуальность информации порождает её вариативность при передаче. В традиции бытуют самые разнообразные версии чудесного события. В случае с неофициальными сакральными текстами говорить о ведущей версии события не приходится.

Статус — категория подвижная, поэтому и характеристики информационного фонда могут меняться.

В селе Тушна Сенгилеевского района Ульяновской области есть Святой колодец, который также является локальным сакральным центром. Святой колодец почитался в XIX в., но степень сформированности информационного фонда этого объекта отличается от святого родника в Коноплянке. Родник в Тушне обладал большей славой в XIX в., а явленная и чудотворная икона святой Параскевы относилась к разряду широко почитаемых в Симбирской губернии. Не случайно о ней упоминается во многих списках местночтимых икон. Так, в документе, в котором перечисляются чудотворные иконы, говорится, что в Симбирском уезде «имеется четыре местных чудотворных святыни», среди которых икона святой Параскевы в Тушне [ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 921. Л. 30]. Об иконе святой Параскевы из Тушны пишет А. Яхонтов в очерке «Явленные и чудотворные иконы епархии» [Яхонтов 1903, 127]. В архиве хранится дело «по рапорту причта [Архангельской церкви с. Тушна] о чудесном исцелении, имеющемся в церкви села Тушна, Симбирского уезда, явленной иконою Мученицы Параскевы бесноватой Симбирской мещанской девицы Екатерины Сыровой (1887)» [ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 493. Л. 1-2]. В документах можно найти и развернутое предание о чуде, совершённом святой Параскевой на роднике [ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 644. Л. 5-6]. Сегодня ещё можно наблюдать вариативность при рассказывании о том, почему данный родник считается святым. Но официальный сюжет, по версии которого святая Параскева спасла селение от врагов, начинает вытеснять собой другие версии события.

Итак, исследование информационно-го фонда сакральных объектов — трудоёмкий процесс, требующий пристального анализа традиции не только в синхронии (с учётом места бытования текста: в непосредственной близости к сакральному месту / в удалении от него),

но и в диахронии. Единичные записи легенд, объясняющих сакрализацию родника, оказываются малоинформативными и практически ничего не дают исследователю, как и многие сборники фольклорных легенд, построенные по тематическому признаку.

Источники и материалы:

Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.

Атаман 2015 — Атаман Л. В. Исследование сакрального пространства региона: методология и принципы // Псковский региональный журнал. 2015. №3. С. 107–117.

Ауновский 1870 — Ауновский В. Село Промзино в 1739 году, по отказным книгам Алатырского уезда, и сравнение его с нынешним // Симбирский сборник. Т. 2. / Под ред. Вл. Ауновского. Симбирск, 1870.

Белов 1964 — Белов А. В. Разоблачение легенды // Белов А. В. Правда о «святых местах». М., 1964. С. 30–36.

Веденин 2003 — Веденин Ю. А. Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Сер. географическая. № 3. 2003. С. 7–13.

Виноградов 2004 — Виноградов В. В. Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизм передачи фольклорной традиции: Матер. XXI Междунар. молодеж. конф. памяти А. Горковенко. / Отв. ред. Н. Н. Абубакирова-Плазунова. СПб., 2004. С. 232–249.

Заметки Симбирского губернатора 1893 — Заметки Симбирского губернатора при объезде им всех уездов Симбирской губернии в июле, августе и сентябре месяцах 1893 года. — Симбирск, 1893.

Из путевых заметок 1866 — Из путевых заметок по Буинскому уезду // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. I. Симбирск, 1866. С. 32. Из путевых заметок 1866 — Из путевых заметок по Буинскому уезду // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. I. Симбирск, 1866. С. 32–41.

Исаченко 2006 — Исаченко Г. А. Культурный ландшафт как объект дискуссии // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23195018> (дата обращения: 20.08.18).

Карамзин 1893 — Явление чудотворной иконы святого Николая Мирликийского в Городище Промзине Симбирской губернии и исторический очерк Промзина. / Сост. П. Карамзин. Саратов, 1893.

Конец «святых» колодцев 1960 — Конец «святых» колодцев // Ульяновская правда. 1960 г. 12 мая. С. 4.

Культурный ландшафт 1998 — Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдов Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.

Липатова 2012а — Липатова А. П. Вариативность текста и проблема определения территориальных границ фольклорного диалекта // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и матер. Международной школы-конф. / Сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М., 2012. С. 75–84.

Липатова 2012б — Липатова А. П. Народно-религиозные представления и практики // Традиционная культура Ульяновского Приуралья. Этнодиалектный словарь. / Ответств. ред. д. ист. н. И. А. Морозов, д. филол. н. М. П. Чередникова. М., 2012. С. 97–116.

Липатова 2013 — Липатова А. П. К вопросу о вариативности фольклорного текста // Антропологический форум. 2013. № S18. С. 3–27.

Неклюдов 2005 — Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov3.htm> (дата обращения: 20.08.18).

Платонов 2005 — Платонов Е. В. Сельская округа на Северо-Западе России в её духовно-историческом развитии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 15–18.

Соловьёв 1910 — Соловьёв А. Николаевская Городищенская пустынь // Упразднённые монастыри и пустыни Симбирской Епархии А. Соловьёва, члена СГУАК. Симбирск, 1910. С. 45–55.

Токмаков 1895 — Историко-статистическое и археологическое описание села Промзино-Городище Алатырского уезда, Симбирской губернии. / Сост. И. Токмаков. М., 1895.

Фадеева 1998 — Фадеева Л. В. Духовно-религиозные основы культурного ландшафта Пинежья (к проблеме иерархической организации культурного ландшафта) // Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдов Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье (Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов). М., 1998. С. 79–107.

Шевченко 1999 — К истории культа местночтимых икон: два текста из современных рукописных поминальных тетрадей. Публикация В. Ф. Шевченко // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. / Отв. ред. М. Г. Матлин. Ульяновск, 1999. С. 94–110.

Щепанская 1995 — *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Яхонтов 1903 — *Яхонтов А.* Явленные и чудотворные иконы епархии // Симбирские епархиальные ведомости. 1903. № 5. С. 126–129.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липатова А. П. orcid.org/0000-0002-9041-1342

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Управления научно-исследовательской и научной деятельностью, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова: 432071, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5; тел. +7 (8422) 44-19-09; e-mail: antonina.antonina282@yandex.ru

SACRED GEOGRAPHY OF ULYANOVSK REGION

ANTONINA P. LIPATOVA

(Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov:
4/5, Lenina sq., Ulyanovsk, Russian Federation, 432071)

Summary. *The article attempts to reveal the dependence of text features on the status of an object. Variation reduces when sacred status gains official acknowledgement and support.*

Key words: *sacred geography, variability of text, status of locus, text.*

Acknowledgements. *The reported study is supported by Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State Assignment No. 34.1505.2017/БЧ ("Specificity of functioning of traditional culture and folklore in the process of Russian development of floristic and geographical regions of the Ulyanovsk (Simbirsk) Povolzhye in XVIII – XX centuries").*

References

Admoni V. G. (1994) System of forms of speech utterance. St. Petersburg. 1994.

Ataman L. V. (2015) Study of the sacral space of the region: methodology and principles // Pskov regional journal. 2015. No. 3. Pp. 107–117.

Aunovsky V. (1870) The village of Promzino in 1739, according to the refusal books of the Alatyrsky district, and its comparison with the present. Simbirskii sbornik. T. 2. / Ed. V. Aounovsky. Simbirsk.

Belov A. V. (1964) —Disclosure of the legend // Belov A. V. The truth about the "holy places". M., 1964. Pp. 30–36.

Vedenin Y. A. (2003) Information basis for studying and forming a cultural landscape as an object of heritage // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Ser. geographical. № 3. 2003. Pp. 7–13.

Vinogradov V. V. (2004) Mechanisms of translation of sacred information (on the example of the revered places of the Northwest of Russia) // The mechanism of the transfer of folklore tradition: Materials of the XXI International Youth Conference, dedicated to the memory of A. Gorkovenko / Ans. Ed. N. N. Abubakirov-Glazunov. St. Petersburg, 2004. P. 232–249.

Notes of the Simbirsk governor at the roundabout of all counties of Simbirsk province in July, August and September of 1893. (1893) Simbirsk. .

From travel notes on Buinsky uyezd // Materials from travel notes on Buinsky uyezd (1866) In: Materials for the history and statistics of Simbirsk province. Issue. I. Simbirsk. Pp. 32–41.

Isachenko G. A. (2006) Cultural landscape as an object of discussion // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23195018> (date of visiting: 20.08.18).

Karamzin P. (1893) The phenomenon of the miraculous icon of St. Nicholas of Myra in the town of Promzino in Simbirsk province and the historical outline of Promzino. / Comp. P. Karamzin. Saratov, 1893.

The end of the "holy" wells (1960) In: Ulyanovskaya Pravda. 1960/05/12. P. 4.

Cultural landscape (1998) Kalutskov V. N., Ivanova A. A., Davydov Y. A., Fadeeva L. V., Rodionov E. A. Cultural Landscape of the Russian North: Pinezhye, Pomorie. Moscow.

Lipatova A. P. (2012a) Variability of the text and the problem of determining the territorial boundaries of a folklore dialect. // Folklore and Cultural Anthropology Today: Theses and Mater. International School-Conf. / Comp. A. S. Arkhipova, S. Yu. Neklyudov, D. S. Nikolaev. Moscow. Pp. 75–84.

Lipatova A. P. (2012b) Folk-religious ideas and practices // Traditional culture of Ulyanovsk Pri-sury. Ethnodialectic dictionary. / Responsibilities. Ed. etc. East. n. I. A. Morozov, D. Philol. n. M. P. Cherednikova. Moscow. Pp. 97–116.

Lipatova A. P. (2013) On the issue of the variability of the folklore text // Anthropological forum. 2013. No. S18. Pp. 3–27.

Neklyudov S. Yu. (2005) Traditions of oral and book culture: correlation and typology // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov3.htm> (date of visiting: 20.08.18).

Platonov E. V. (2005) The rural district in the North-West of Russia in its spiritual and historical development. Author's abstract. diss ... cand. east. sciences. St. Petersburg. Pp. 15–18.

Solovyov A. (1910) Nikolaevskaya Gorodischenskaya desert // Abandoned monasteries and deserts of the Simbirsk Diocese A. Solovyov, a member of the Siberian State University of Culture and Arts. Simbirsk. Pp. 45–55.

Tokmakov I. (1895) Historical-statistical and archaeological village of Promzino-Gorodishche of Alatyrsky county, Simbirsk province. / Comp. I. Tokmakov. Moscow.

Fadeeva L. V. (1998) Spiritual and Religious Foundations of the Cultural Landscape of Pinezhye (to the Problem of the Hierarchical Organization of the Cultural Landscape) // Kalutskov V. N., Ivanova A. A., Davydov Yu. A., Fadeeva L. V., Rodionov E. A. Cultural Landscape

of the Russian North: Pinezhye, Pomorie (Seminar "Cultural Landscape": the first thematic issue of reports). Moscow. Pp. 79–107.

Shevchenko V. F. (1999) To the history of the cult of local icons: two texts from modern manuscript memorial notebooks. The publication of V. F. Shevchenko // *Spiritual Culture of the Russian Middle Volga Region: Materials of Field Research.* / Ans. Ed. M. G. Matlin. Ulyanovsk. Pp. 94–110.

Shchepanskaya T. B. (1995) Crisis network (traditions of spiritual development of space) // *Russian North: On the problem of local groups.* St. Petersburg.

Yakhontov A. (1903) The Apparitions and Miraculous Icons of the Diocese // *Simbirsk Diocesan News.* 1903. № 5. Pp. 126–129.

ABOUT THE AUTHOR

Lipatova A. P. orcid.org/0000-0002-9041-1342

E-mail: antonina.antonina282@yandex.ru

Tel. +7 (8422) 44-19-09

PhD in Philological sciences

Associate Professor of Chair for Russian Language, Literature, and Journalism

Ulyanovsk State Pedagogical University

4/5, Lenina sq., Ulyanovsk, Russia, 432071
